ИСТРЕБИТЕЛИ • КОШМАРОВ

ВАСИЛИЙ ОРЕХОВ

Культовый интерактивный графический роман – впервые на бумаге! Бесстрашные боевые психиатры уничтожат ваши дурные сны...

СУМЕРЕЧНОЕ МЕТРО

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-65

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Дизайн переплета — Андрей Ферез

Орехов, Василий Иванович

О-65 Истребители кошмаров: Сумеречное метро [графический роман] / Орехов Василий. — Москва: АСТ, 2014. — 160 с.

ISBN 978-5-17-086926-8

Какая зловещая тайна связывает маленькую девочку, заблудившуюся в кошмарных тоннелях Сумеречного Метро, и русскую фотомодель, лежащую в онейроидном ступоре в одной из элитных нью-йоркских клиник? Ключом к разгадке может стать знаменитый психиатр Питер Пауэлл и его команда...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. Орехов
© «Cooper Media Corp.»
© ООО «Издательство АСТ»

Литературно-художественное издание

16 +

Орехов Василий Иванович

ИСТРЕБИТЕЛИ КОШМАРОВ
Сумеречное метро

Графический роман

Редакционно-издательская группа «Жанры»

Зав. группой *М.С. Сергеева*
Руководитель направления *В.И. Мельник*
Компьютерная верстка *Р.В. Рыдалин*

Подписано в печать 15.08.2014 г. Формат 60 x 84 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 9,3.
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бул., д. 21, стр. 3, комн. 5

СУМЕРЕЧНОЕ МЕТРО

Станция была старая, сырая и мрачная. И очень страшная.

Прижимая к себе плюшевого зайца, на платформе стояла девочка лет семи. Она всматривалась в противоположный конец перрона, пытаясь разглядеть в клубящейся полумгле грязную лестницу с металлическими перилами, по которой она могла бы выбраться наверх.

Вот только не было на платформе никаких лестниц.

Эта безлюдная пыльная станция вообще казалась ей очень странной. Разве бывают такие? Девочка, которую звали Наташей, боязливо поежилась. Она точно знала, что находится в нью-йоркской подземке, но раньше никогда не видела здесь таких конструкций, как в родном Санкт-Петербурге. Платформу отделяли от тоннелей железные стены от пола до потолка, в которых через равные промежутки виднелись двери с раздвижными створками, как у лифтов, — точно напротив дверей поезда, который останавливается у перрона по другую сторону стены. Это было странно, а значит, страшно.

Странного сегодня вообще было слишком много. Как она ухитрилась отстать от мамы? Где свернула не туда, потерявшись в бесконечном лабиринте подземных переходов? Почему сюда не свернул больше никто, кроме нее?..

Наташа знала, что в Москве существует «метро-2» — специальные секретные линии, которые прорыли для того, чтобы тайно возить по ним бомбы и Сталина. И в этом потайном метро-2 наверняка были именно такие станции: сумеречные, запыленные, зловещие, потому что там никогда не бывает народу. Но ни про какой секретный метрополитен в Нью-Йорке она ни разу не слышала.

А главное — зачем здесь эти мощные стальные стены и двери? Они даже в Москве ни к чему.

В Санкт-Петербурге такие стены были действительно необходимы. Папа рассказывал Наташе, что это преграда для широкой и коварной Невы, которая разделила центр города на несколько крупных островов и то и дело пытается прорваться в метротоннели. В семидесятые годы, например, в подземных коммуникациях случилось страшное наводнение, однако герметичные двери не пустили воду на станции, и всех людей тогда успели эвакуировать.

Наташа сосредоточенно кивала, слушая папу. Однако она уже привыкла не во всем доверять старшим, которые, как выяснилось, часто врут даже тогда, когда в этом нет никакой необходимости. Она никак не могла вообразить, чтобы вода неожиданно хлынула в тоннель под таким мощным напором, что люди не успеют убежать. А значит, истинное назначение массивных дверей было совсем другим. И сейчас, на этой пустынной зловещей станции, пробудившей к жизни ее старые страхи, девочка вдруг поняла, каким именно.

Закрытые металлические двери нужны для того, чтобы не пускать на станцию ночных чудовищ и гигантских крыс, обитающих во мраке тоннелей и злобно поблескивающих глазами, когда поезд проносится мимо.

Внезапно девочка сообразила, что уже давно слышит позади себя какой-то низкий механический гул, просто раньше не обращала на него внимания — мало ли, какие машины работают в метро. Но теперь она поняла, что именно напоминает ей это ровное гудение.

Оборачиваться было страшно. Невозможно было повернуться спиной к угрожающе молчащей платформе, по которой непонятно откуда налетающий сквозняк с шуршанием гонял мелкий мусор и старые газеты. Но повернуться непременно придется, чтобы спастись из этого неприятного места, где никто и никогда не придет ей на помощь.

Ладно. В конце концов, монстры, крысы и тараканы остались в тоннеле за запертыми герметичными дверями и не прорвутся на станцию подобно мутной невской воде, едва только она покажет им спину.

Собравшись с духом, Наташа оглянулась.

Да, так и есть. Здорово! Позади нее гудел, поскрипывал и бесконечной лентой уползал ввысь старый эскалатор. Верхний его конец терялся в полумраке.

Большинство нью-йоркских станций были построены совсем неглубоко, всего в паре лестничных пролетов под землей, поэтому только на некоторых работали эскалаторы — например, на 34-й улице, где Наташа с мамой сели в поезд до Бруклина. Но таких огромных движущихся лестниц девочка не видела здесь ни разу. До поверхности на нем придется проехать, наверное, метров пятьдесят или все сто. На какую же глубину угораздило ее спуститься? Как она вообще здесь оказалась?!

Столь длинные эскалаторы попадались ей только в Москве и Санкт-Петербурге, где самые старые станции специально рыли поглубже, чтобы потом использовать их в качестве бомбоубежищ от гитлеровских авианалетов. Однако Америку, насколько знала Наташа, никогда не бомбили. Зачем бы здесь такие глубокие подземелья?

Под потолком над бесконечной движущейся лентой висели огромные электронные часы, которые неторопливо отсчитывали время. И снова девочка почувствовала холодок в груди: световое табло показывало «11.55 p.m.». Наташа знала, что «p.m.» означает «после полудня», а значит, было уже без пяти минут полночь. Но они с мамой спустились в метро, когда еще светило солнце. Разве она могла таскаться по этим глупым переходам целых полдня?

Нужно отсюда уходить, встревоженно подумала Наташа. Скоро метро закроют на ночь. Опять, как в тот раз. Нельзя до утра сидеть одной на пустой станции. И мама будет волноваться…

Нет, ерунда. Никак сейчас не может быть без пяти полночь. Просто дурацкие часы поломались. Совсем ничего страшного.

Совсем ничего…

Лента эскалатора была старой, растрескавшейся и грязной, как и все на этой станции.

Движущаяся лестница не понравилась Наташе. Это была совсем неправильная лестница, таких она не видела даже в Москве. Ступени выглядели так, словно на них много лет не ступала нога человека — выщербленные, кривые, покрытые пылью. Резиновые перила оказались в коросте грязи, паутина огромными лохмотьями свисала со сводов и наверняка оглаживала бы пассажиров по головам, если бы по этой лестнице поднимались взрослые. По бокам ленты тускло светили пыльные светильники, один из них раздражающе мигал и потрескивал электрической дугой, собираясь вот-вот вырубиться.

Девочка переминалась с ноги на ногу, тиская зайца и не решаясь двигаться дальше. Она боялась упасть, она боялась зацепиться за паутину, она боялась испачкать плащик, она просто боялась. Но куда бы ни вел этот мерзкий эскалатор, он двигался наверх, а наверху в любом случае было лучше, чем здесь, глубоко под землей.

— Я смогу. Я смелая. И здесь никого нет. Совсем ни-кого, — тихо прошептала Наташа и решительно поставила ногу на ступеньку.

Девочка чувствовала, что обманывает сама себя. Что позади нее теперь кто-то был — кто-то огромный, свирепый, неслышно подкравшийся из клубящейся тьмы в противоположном конце станции, когда она отвернулась. Кто-то из тех, кто живет на глубоких безлюдных станциях метро, на которых никогда не останавливаются поезда. Поначалу он не проявлял к ней особого интереса, но теперь, когда она решила покинуть его владения, разозлился, поняв, что добыча может ускользнуть. Наташа ощущала его присутствие так явственно, словно он стоял вплотную к ней, обдавая ее своим смрадным дыханием.

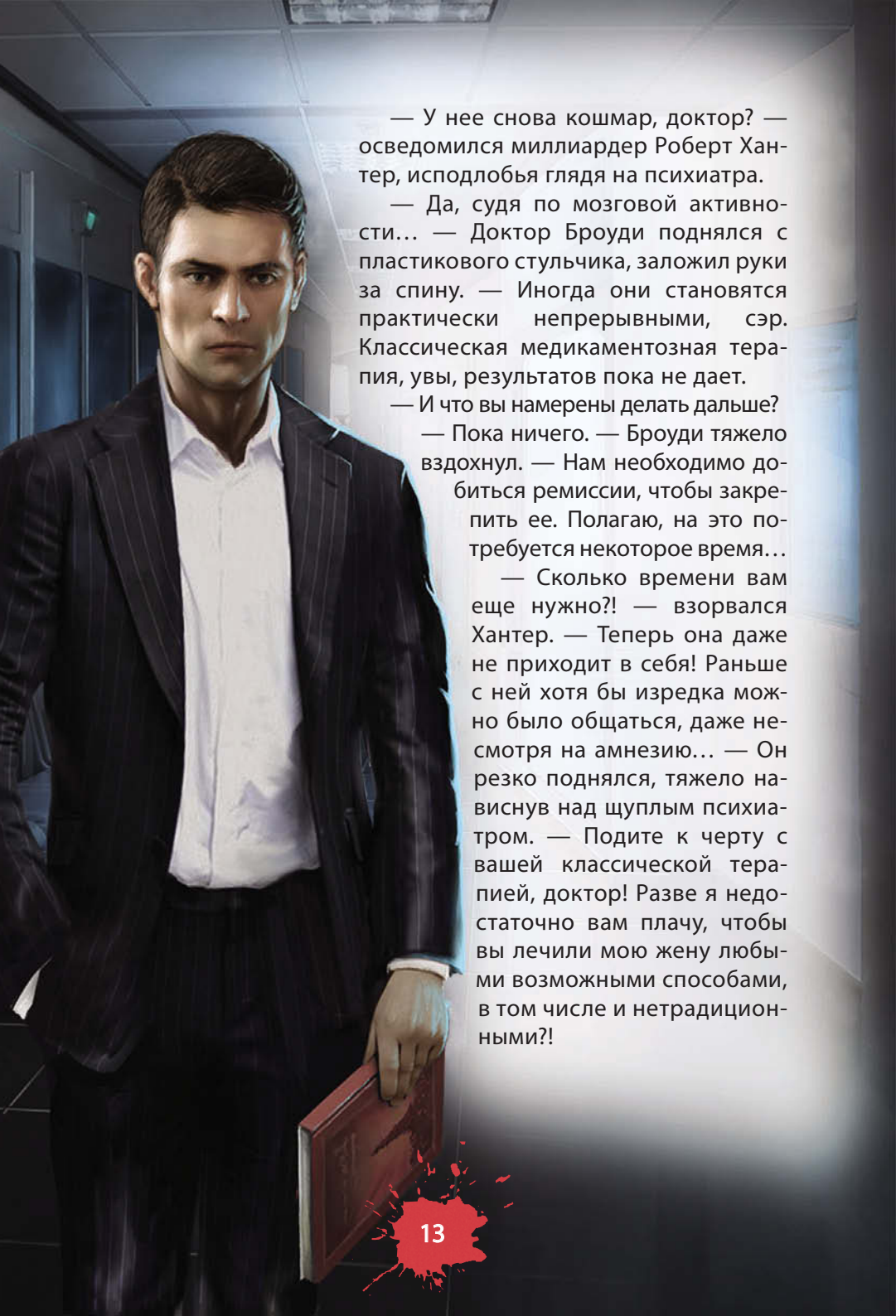
11.55 PM

Наташа оцепенела от страха, стиснув в объятиях несчастного зайца и глядя помертвевшим взором вверх, туда, куда несла ее движущаяся лента. Она не визжала от ужаса только потому, что это было абсолютно бессмысленно. Эскалатор неудержимо поднимался к выходу, страшные часы понемногу уползали за карниз с четырьмя вывалившимися в форме буквы «Г» кафельными плитками, неприятно мерцающий светильник остался позади, сверху потянуло свежим воздухом, и девочка решила, что если не будет кричать и размахивать руками, привлекая внимание Того, Кто За Спиной, ей удастся спастись.

— Не бойся, зайка, — прошептала она, склонившись к своей игрушке. — Ничего нам этот дурак не сделает…

Наташа Казакова лежала на медицинской кровати, плотно пристегнутая к ней эластичными ремнями. От укрепленных на голове и теле датчиков к попискивающему монитору тянулись разноцветные провода. Ее глаза были закрыты, но веки судорожно двигались, словно она видела страшный сон. В сущности, так оно и было, доктор Сэмюэл Броуди прекрасно это знал. Депрессивный онейроидный ступор — для пациента это чаще всего непрекращающийся кошмар. Вот только помочь этой красивой, молодой и богатой женщине он ничем не мог, хотя и усиленно пытался.

— Тот… — шевельнулись запекшиеся губы Наташи. — За спиной…



— У нее снова кошмар, доктор? — осведомился миллиардер Роберт Хантер, исподлобья глядя на психиатра.

— Да, судя по мозговой активности… — Доктор Броуди поднялся с пластикового стульчика, заложил руки за спину. — Иногда они становятся практически непрерывными, сэр. Классическая медикаментозная терапия, увы, результатов пока не дает.

— И что вы намерены делать дальше?

— Пока ничего. — Броуди тяжело вздохнул. — Нам необходимо добиться ремиссии, чтобы закрепить ее. Полагаю, на это потребуется некоторое время…

— Сколько времени вам еще нужно?! — взорвался Хантер. — Теперь она даже не приходит в себя! Раньше с ней хотя бы изредка можно было общаться, даже несмотря на амнезию… — Он резко поднялся, тяжело нависнув над щуплым психиатром. — Подите к черту с вашей классической терапией, доктор! Разве я недостаточно вам плачу, чтобы вы лечили мою жену любыми возможными способами, в том числе и нетрадиционными?!

— Мистер Хантер, сэр… — Броуди поправил сползшие на нос очки. — Это очень тяжелый случай онейроидного синдрома. К сожалению, медицина не всесильна…

— Так какого черта я тогда плачу вам деньги?! — взвился муж пациентки. — Если в ближайшее время я не увижу результатов, я заберу Наташу из вашей клиники и помещу в другую! В Америке их предостаточно!

— Дело не в клинике, — печально сказал Броуди. — Дело в научных достижениях. Поверьте, сэр, мы делаем все возможное. Я даже взял на себя смелость по согласованию с вами использовать ряд экспериментальных препаратов, но результаты явно не обнадеживают…

— Хорошо. — Хантер немного взял себя в руки. — Что вы предлагаете делать дальше?

— Пока не знаю, — покачал головой психиатр. — Нам придется применить другую методику лечения. Давайте не будем огорчаться раньше времени. Надежда всегда…

— … умирает последней, — грубо перебил Хантер. — Я знаю эту нелепую присказку. Оставьте ее для других клиентов, доктор. Моя надежда умереть не должна. Ясно?

Броуди промолчал.

— Мне нужно посоветоваться с коллегами, — сказал он после паузы, глядя, как Хантер снова опустился у изголовья супруги и нежно взял в руки ее хрупкую холодную ладонь.

— Ступайте, — сухо сказал миллиардер, не отрывая взгляда от мучительно исказившегося лица Наташи.

Вернувшись в свой кабинет, Сэмюэл Броуди налил в хрустальный стакан бурбона на четыре пальца. Прикинув на глазок уровень жидкости, махнул рукой и добавил еще. Выпив бурбон залпом, он поморщился, потом выдвинул ящик стола и принялся искать записную книжку. Нужные номера телефонов он хранил в коммуникаторе, а в книжке еще университетских времен прозябали малопригодные и совсем уже позабытые. Пролистав странички до буквы «П», Броуди с облегчением увидел наспех нацарапанное карандашом: «Пит Дж. Пауэлл» и несколько цифр. Оставалось надеяться, что давний знакомый до сих пор не сменил номер.

Доктор Питер Дж. Пауэлл в это время сидел на ежегодном собрании Американской психиатрической ассоциации в конференц-центре отеля «Миллениум Бродвей» и слушал, как с трибуны бубнит его коллега, лысый коротышка из Монтаны.

— Углубленная социальная реабилитация и трудотерапия показана практически всем больным шизофренией, — увлеченно вещал коротышка. — Даже при хронической психотической симптоматике и глубоком личностном дефекте с полной инвалидизацией систематическое применение социально-реабилитационных мероприятий в сочетании с фармако- и психотерапией позволяет частично восстановить у ряда больных основные навыки самообслуживания…

Слушать это занудство Пауэлл больше не мог. Ему было душно и немыслимо, невыносимо скучно.

Поднявшись и повернувшись к трибуне спиной, он принялся неторопливо пробираться между рядами к выходу. Коллеги смотрели на него по-разному: кто с полным пониманием, кто неодобрительно. Лектор на секунду прервался, глядя ему в спину, и продолжил бубнить, но Пауэлл его уже не слушал.

«Интересно, а что я вообще ожидал здесь услышать? — подумал доктор, выходя в вестибюль. — Каждый раз одно и то же. Можно было потратить это время с куда большей пользой — скажем, позагорать или порешать кроссворды…»

Питер Пауэлл давно и совершенно искренне полагал, что современная психиатрия особого отношения к лечению больных не имеет. Потому что покоится на трех китах: умении эффектно обосновать неверный диагноз, погасить пациента нейролептиками и качественно его изолировать, чтобы содрать еще больше денег на его содержание и дальнейшее лечение. Вот и вся классическая терапия, которая по большому счету и терапией-то не является.

Хорошо, со скучного доклада он благополучно сбежал. Что дальше?

Ему срочно требовалось перекусить, вот что. В «Миллениум Бродвей» имелся популярный среди пафосных театралов ресторан «Шарлотта», но доктор Пауэлл терпеть его не мог за излишнюю помпезность, поэтому без всякого сожаления покинул отель и пешком отправился в сторону Таймс-сквер, в какую-нибудь закусочную попроще.

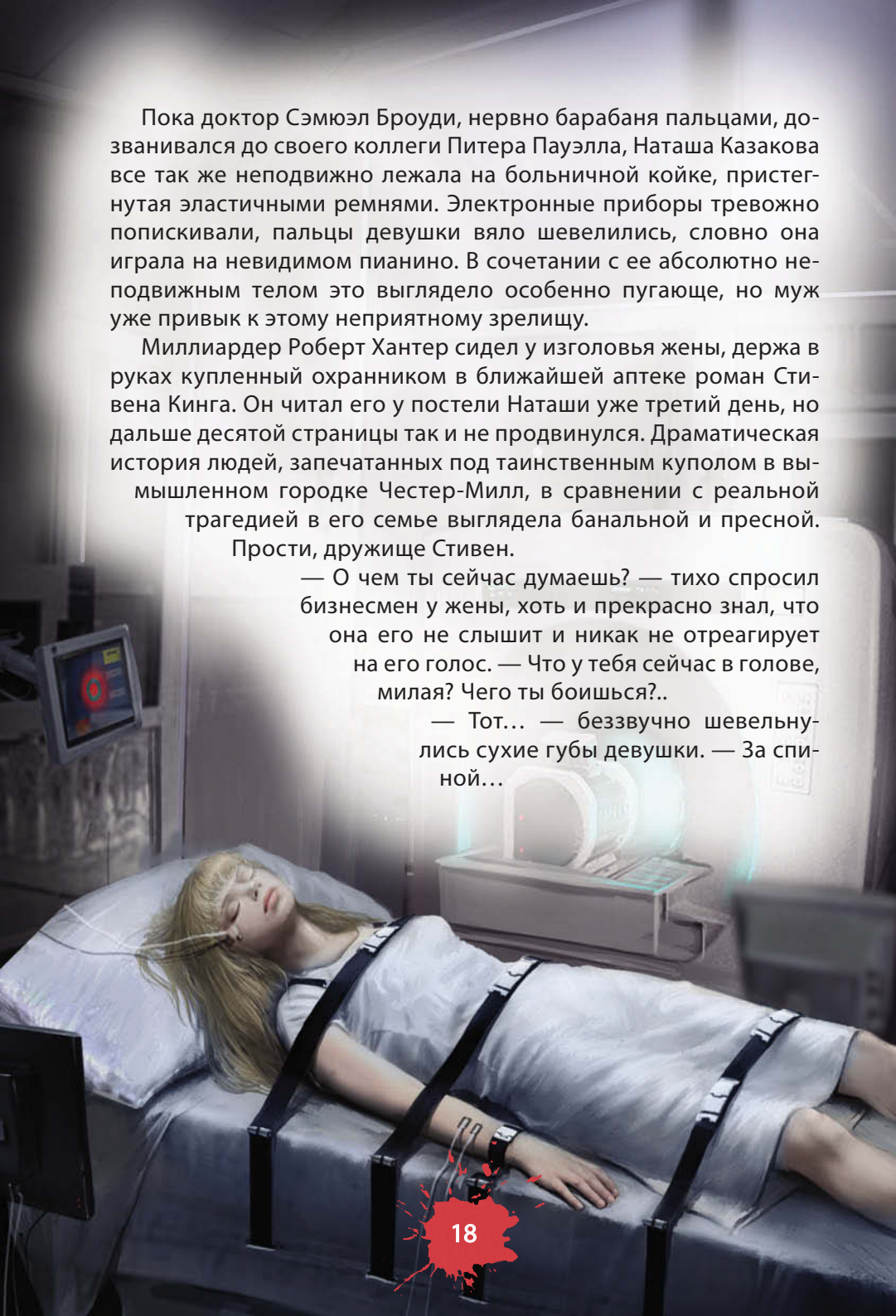
Когда по левую руку замельтешила над головами прохожих огромная бегущая строка группы фондовых индексов NASDAQ, в кармане у Пауэлла зазвонил телефон. На дисплее высветился незнакомый номер. Обычно доктор на подобные подозрительные звонки не отвечал, но сейчас он пребывал в глубокой задумчивости и машинально нажал кнопку, на которой была изображена зеленая трубка.

Пока доктор Сэмюэл Броуди, нервно барабаня пальцами, дозванивался до своего коллеги Питера Пауэлла, Наташа Казакова все так же неподвижно лежала на больничной койке, пристегнутая эластичными ремнями. Электронные приборы тревожно попискивали, пальцы девушки вяло шевелились, словно она играла на невидимом пианино. В сочетании с ее абсолютно неподвижным телом это выглядело особенно пугающе, но муж уже привык к этому неприятному зрелищу.

Миллиардер Роберт Хантер сидел у изголовья жены, держа в руках купленный охранником в ближайшей аптеке роман Стивена Кинга. Он читал его у постели Наташи уже третий день, но дальше десятой страницы так и не продвинулся. Драматическая история людей, запечатанных под таинственным куполом в вымышленном городке Честер-Милл, в сравнении с реальной трагедией в его семье выглядела банальной и пресной. Прости, дружище Стивен.

— О чем ты сейчас думаешь? — тихо спросил бизнесмен у жены, хоть и прекрасно знал, что она его не слышит и никак не отреагирует на его голос. — Что у тебя сейчас в голове, милая? Чего ты боишься?..

— Тот… — беззвучно шевельнулись сухие губы девушки. — За спиной…



NARR8

Студия интерактивных книг Midian

Руководитель студии MIdian: Василий «Мидянин» Мельник

Сюжет: Василий Орехов

Текст: Василий Орехов при участии Юрия Бурносова и Кирилла Бенедиктова

Ведущий художник: Александр Кретов

Художники: Андрей Бакулин, Андрей Липаев, Ольга Иодко, Алексей Кащенко

Программисты: Алексей Матвеев, Борис Волков